

Когда посреди зачумлённой повседневности, серости буден, прозаичной заземлённости жизни вспоминаешь, что где-то на берегах Невы живёт поэт Глеб Горбовский, то сразу становится как-то спокойнее на сердце и душевные твои потёмки расступаются, рассеиваются, как мутный туман, и ты в самом себе обнаруживаешь нечто хорошее, доброе... Его стихи помнятся так, как помнятся встречи на российских просторах, когда-то ли в поисках кружки воды, ночлега ли ты стучишься в низенькое деревенское оконце и тебе навстречу распахиваются двери, за которыми и бедность, и щедрость, и простота, и мудрость. Кажется, окончательно выветрилось уже из памяти лицо хозяина, хозяйки дома, но не изглаживается в памяти чувство, которое я бы назвал радостью узнавания чего-то очень родного, нужного твоему нравственному самочувствию.

Вот говорят, что «стиль — это человек». Наверное, так оно и есть — для прозы, но для поэзии данная формула не совсем подходит, тут надо бы сказать иначе: «Интонация — это человек». Иметь свою интонацию в стихах, увы, не каждому дано, ибо она каким-то чудом заключает в себе своеобразие личности автора, она как бы является мелодическим портретом автора, его характером, внутренним голосом. Нет ничего индивидуальнее в стихах, чем интонация. Рифмы повторяются, ритмы давно открыты, размеры расписаны во всех учебниках литературоведения, а вот она — есть достояние только этого и никакого другого поэта...

Глеб Горбовский обогатил русскую поэзию неподражаемой интонацией, в которой мы слышали удивительную раскованность, чистоту, нежность, иногда стыдливо прикрывающуюся игрой в грубоватую мужскую суровость. Но даже и в знаменитых, ставших песней стихах «Когда фонарики качаются ночные...» — под налётом приблатнённости — Горбовский со свойственным ему чувством юмора трогательно оберегает собственное свободолюбие — самое дорогое и самое дефицитное в его поколении богатство... Вот, к счастью, и возникло слово, которое можно было бы отчеканить над сводом поэтического мира Горбовского: свободолюбие! Именно это качество всю жизнь работало и на поэта, и против него. Читатель с первых же строк попадал под обаяние Горбовского, компенсируя смелостью поэта, его хлёстким ироническим умом, самоуважением собственные зажатость, закомплексованность, социальную неполноценность. Но свободолюбие предполагает независимое поведение и такую же независимую позицию, что в литературной жизни для писателя по нынешним временам слишком накладно, так как воспринимается собратьями по перу как вызов, как пренебрежение официальной иерархией, как непростительная непочтительность к серой и хищной массе пишущих. Может быть, по этой причине, будучи известным и любимым с первых литературных шагов, Горбовский никогда не попадал в критическую и послужную «обойму», не умещаясь в чьё-то «прокрустово ложе» и спокойно презирая его.

Читать Горбовского легко и сложно. Он никогда не впадает в поучительный тон. Почти в каждом его стихотворении присутствует улыбка сострадания или горькая усмешка понимания мира, белого света...

Он один из немногих поэтов, кому доверяешь, его стихи обладают необъяснимой притягательностью, они написаны так, будто автор каждый раз обращается к тебе одному, лично, словно ты и только ты — самый дорогой для него собеседник, слушатель...

Почему сложно? Потому что Горбовский на протяжении всего своего творчества занят одной темой, той, что не давала покоя Блоку и Есенину, Твардовскому и Рубцову... Это — тема России, её трагической истории и роковой судьбы. Вместе с поэтом читатель проходит через сомнения, отчаяние, боль при виде того, что творится в Отечестве, в родном доме, в душах земляков. Но даже и предельно мрачные сомнения в стихах Горбовского не убивают веры, не опустошают безнадежностью. словно сокровенный образок на груди, подаренный матерью, пронесён поэтом через все противоречивые эпохи образ России, усталой, измученной, но не сломленной Родины, будущее которой неясно, но, как всегда, величественно и в невзгодах, и в покое...

...В Псково-Печерском монастыре мы с Глебом Горбовским спустились в пещеры, где захоронено несколько поколений монахов. В длинных тёмных коридорах пещер, в холодном удушливом воздухе едва-едва удерживались слабые огоньки свеч, прикрываемые от сквозняка нашими ладонями. Ноги увязали в мелком песке, устилающем весь путь и словно удерживающем шаги непрошенных гостей. От всей этой обстановки слегка «уплывало» сознание, точно перед обмороком. Вдоль по стенам шли мемориальные плиты с краткими сведениями, в нескольких строчках вмещающих целую судьбу опочивших, как правило — долговую и волнующе-таинственную. Кое-где под плитами оставались узкие окошечки, за которыми, если к ним приставить свечу, в ледяном раскачивающемся полумраке, под истлевающими парчовыми плащаницами стояли ряды гробов, показавшиеся почему-то безмерно тяжёлыми от накопленной ими за десятилетия неподвижности... Вот оно, оказывается, каким бывает упокоение!..

Не без чувства трепета и неуютности живые в этих лабиринтах стараются держаться поближе друг к другу, не упуская из виду, куда повернул ближайший трепещущий огонёк грозящей потухнуть свечи...

Задержавшись у какой-то очередной плиты, мы неожиданно отстали с Горбовским от группы и как раз в этот момент погасли в залитых воском пальцах огарки свечек. Наступила в буквальном, физическом смысле полная темнота. Не спеша, без суеты, стараясь не выдать противное, подгоняющее тебя изнутри волнение, мы молча попробовали пройти в одну сторону, но уткнулись в тупик, прошли назад, попали в другой коридор, но и там не было видно просвета. Может быть, когда-нибудь и кто-то из монахов, живших в этих пещерах, испытал подобное нашему чувству. Неужели годы пребывания здесь ни разу не обострили до предела их нервы, не сломили ощущением замурованности заживо?.. Нет, мы не метались, мы шли, загребая песок, и думали, наверное, об одном и том же: что место живых с живыми, под солнцем, пусть на самой несчастной земле, но со всеми вместе, на миру!.. И о том, как, в сущности, неуютно нашей земной суете рядом с таким огромным, страшным вечным покоем!

Но странное дело, чем больше мы блуждали во тьме, тем больше у меня появлялось уверенности, что мы обязательно выберемся к свету. И свет появился. И в нём был знак, символ, который пусть каждый прочтёт по-своему. А я вспомнил (как часто вспоминаю про себя) любимое стихотворение Глеба Горбовского, с которым мы только что побывали в ином временном и духовном измерении...

Был обвал. Сломало ногу.

Завалило — ходу нет.

Надо было бить тревогу,

вылезать на белый свет!
А желанья притихли...
Копошись, не копошись —
столько лет умчалось в вихре!
Остальное — разве жизнь?
И решил захлопнуть очи.
...Только вижу: муравей
разгребает щель, хлопочет,
хоть засыпан до бровей.
Пашет носом, точно плугом,
лезет в камень, как сверло!
Ах ты, думаю, зверюга...
И — за ним. И повезло.